

Des populations aux destins contrastés

Anatoli Vichnevski

Восточная Европа: догоняющая модернизация

Восточная Европа - не столько в географическом, сколько в политическом смысле - включает в себя 10 государств, до 1992 г. входивших в состав бывшего СССР (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Россия, Украина, Латвия, Литва, Молдавия, Эстония), 5 государств, образовавшихся при распаде бывшей СФРЮ (Босния и Герцеговина, Македония, Словения, Хорватия и Югославия), бывшие недавно единым государством, но разделившиеся Чешская и Словацкая республики, а также 5 других, до конца 80-х годов именовавших себя "социалистическими" стран (Албания, Болгария, Венгрия, Польша, Румыния), однако в нее не входят Греция и Турция, географически также относящиеся к Восточной Европе, но в контексте этой статьи относящиеся к остальной Европе, называемой здесь "Западной"¹. Всего, стало быть, "Восточная Европа" в нашем понимании охватывает 22 страны, на долю которых приходится две трети территории и населения всего европейского пространства "от Атлантики до Урала" (из 11,6 млн. кв. км. и из млн. человек в 1999 году). Но при этом Россия, которая рассматривается, конечно, как единое целое, имеет и огромную азиатскую часть, слабо населенную, но по территории (12,8 млн. кв. км) превосходящую всю Европу.

6,8
из 10,1
?

Восточная Европа - географический и исторический перекресток, на котором издавна встречались разные религии, культуры и цивилизации, регион, и сегодня отмеченный значительной этнической и языковой пестротой. И в то же время - это особая часть Европы, обладающая общими чертами, отличающими ее от другой ее части - западной.

Истоки различий между Западной и Восточной Европой теряются в глубине веков. За ними - давняя оппозиция Европы и Азии, римской и византийской традиций, католицизма и православия, к тому же всегда соседствующего с исламом. А на заре Нового времени появился и еще один фактор разделения, связанный с быстрым капиталистическим развитием Западной Европы. Как писал Ф. Бродель, "с начала XVI в. конъюнктура с двоякими, а то и тройными последствиями обрекла Восточную Европу на участь колониальную - участь производителя сырья..."². С этого времени стало нарастать историческое отставание Восточной Европы, которое позднее породило здесь феномен **догоняющей модернизации**. Именно догоняющая модернизация стала одной из главных объективных особенностей восточноевропейского региона и во многом предопределила формы экономической, политической и социальной жизни в большинстве расположенных в нем стран во второй половине XX века.

Полиэтничность и конструирование этнических наций. Другая, тесно связанная с первой и тоже очень важная особенность региона связана с его полиэтничностью, унаследованной от распавшихся уже в XX веке Османской,

¹ В некоторых случаях логика изложения побуждает рассматривать в составе Восточной Европы также и бывшую ГДР.

² Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. М., 1988, с. 259.

379 → 890
в 19952

Австро-Венгерской, а совсем недавно и Российской (Советской) империй. При этом важна не столько сама по себе полиэтничность, сколько то, что пробуждение современного гражданского самосознания восточноевропейских обществ вело к отождествлению себя, в первую очередь, не с национально-государственными, как это было на Западе, а с более архаичными этно-конфессиональными целостностями. Отсюда коренное различие в толковании самого понятия "нация" и всего, что с этим связано. В то время, как утвердившаяся на Западе концепция нации признает единственное законное определение национальной принадлежности как **гражданства**, на востоке Европы все еще живо стремление сохранить государственно узаконенные, институционализированные расовые, культурно-лингвистические, религиозные и т. п. перегородки, не совпадающие с государственными границами, а нередко и утопическое стремление реализовать недостижимый идеал "этнически чистого" государства.

Таблица 1. Доля наиболее многочисленных этносов в населении восточноевропейских стран, в процентах

Pays	Année	Первый по численности	%	Второй по численности	%	Остальные, %
Albanie	1989	Albanais	98,0	Греки	1,8	0,2
Arménie	1989	Arméniens	93,3	Azerbaïdjanais	2,6	4,1
Azerbaïdjan	1989	Azerbaïdjanais	82,6	Arméniens	5,6	6,2
Bélarus	1989	Bélarusses	77,8	Russes	5,6	9,0
Bosnie-Herzégovine	1991	Musulmans Bosn.	99,7	Serbes	3,4	28,5 24,9
Bulgarie	1992	Bulgares	85,7	Turcs	9,4	4,9
Croatie	1991	Croates	77,9	Serbes	12,2	1,0 9,9
Estonie	1989	Estoniens	61,5	Russes	30,3	8,2
Géorgie	1989	Géorgiens	70,2	Arméniens	8,1	21,7
Hongrie	1990	Hongrois	97,8	Croates Ukraines	1,4	0,8
Lettonie	1989	Lettons	52,0	Russes	34,0	14,0
Lituanie	1989	Lituanais	79,6	Russes	9,4	11,0
Macédoine	1991	Macédoniens	64,6	Albanais	21,0 20,8	1,2 14,4
Moldova	1989	Moldaves	64,4	Ukrainiens	13,8	21,8
Monténégro	1991	Monténégrins	68,5 61,8	Musulmans Bosn.	13,4 14,5	18,1 23,7
Pologne		Polonais	?			
Roumanie	1992	Roumains	89,5	Hongrois	7,7	3,9
Russie	1989	Russes	81,5	Tatars	3,8	14,7
Serbie	1981	Serbes	66,1	Albanais	13,4 14,0	19,6 16,6
Rép. slovaque	1988	Slovaques	86,7	Hongrois	10,9	2,4
Slovénie	1991	Slovènes	85,5	Croates	2,7	8,6 9,8
Rép. tchèque	1988	Tchèques	94,1	Slovaques	4,0	1,9
Ukraine	1989	Ukrainiens	72,6	Russes	22	5,4
Yugosl.	1991	Serbes	62,7	Абхазцы	16,7	30,6
Ex-URSS	1989	Russes	50,8	Ukrainiens	15,5	33,7
Ex-Yougoslavie	1991	Serbes	36,3	Croates	19,7	44,0
Ex-Tchécoslovaquie	1988	Tchèques	62,8	Slovaques	31,9	5,3

Между тем, если следовать "восточным" критериям национальной принадлежности, то к концу 80-х годов лишь некоторые из государств региона - Албания, Венгрия, Польша - подошли как мононациональные, с долей

Мусульман $58 + 68 + 80 + 103 + 117$
 Корвады $57 + 66 + 78 + 102 + 115$
 Велсы $56 + 64 + 76 + 90 + 99 + 113$
 Сербы $59 + 70 + 82 + 95 + 105 + 119$

основного этноса превышающей 95%, иногда даже 99%. В других либо явное преобладание основного этноса сочеталось с существенными вкраплениями национальных меньшинств (Болгария, Румыния), либо ни один этнос не мог претендовать на то, что он - "основной" (бывшие СССР, Югославия, Чехословакия или входившие в них республики) - см. табл. 1.

Для СССР и Югославии, имевших федеративное устройство, было характерно перемешанное, чресполосное расселение разных этносов, из-за чего многонациональными оказывались и более мелкие - "союзные" и "автономные" государственные образования, так что при переходе на каждый новый уровень воспроизводилась все та же этническая чресполосица. И после распада СССР многочисленные "национальные" республики сохранились в России, Нагорный Карабах остался внутри Азербайджана, после распада Югославии два автономных "национальных" образования унаследовала Сербия. С другой стороны, большое число русских по-прежнему жило на Украине, в Казахстане, Молдавии, Латвии, Эстонии, свыше 4 миллионов украинцев и свыше 1 миллиона белорусов - в России, сербы и хорваты составляли ~~чуть не~~ половину населения Боснии и Герцеговины, значительной была численность сербов в Хорватии и т. д. Этническая пестрота была характерна и для "национальных" образований внутри бывших союзных республик. В крупнейшем из таких образований внутри России - республике Татарстан - в 1989 г. проживало всего 27% живших в СССР татар (не считая крымских татар) и они составляли всего 48% населения республики, на долю русских приходилось 43%. В Косово, автономной области внутри Сербии (с 1974 по 1989 г.) - помимо албанцев ~~41%~~ ^{13,2} в 1981 г.) проживало еще?% сербов.

Иногда подобное сожительство было долгим, многовековым, иногда - сравнительно недавним, но ни в том, ни в другом случае оно нигде не привело к возникновению единой нации в западном смысле этого слова. На протяжении всей второй половины XX века в "союзных" государствах нарастали центробежные тенденции, усиливалась тяга этносов к самостоятельной государственности. В конце столетия это привело к многочисленным острым конфликтам, даже к войнам между вчерашними согражданами.

Объяснения этих конфликтов можно искать в многовековой истории или в особенностях восточноевропейских политических режимов недавнего прошлого, в различии религиозных традиций или в политизированном националистическом возбуждении последних десятилетий XX века. Но никакое объяснение не будет полным, если не учесть особенностей догоняющей модернизации восточноевропейских обществ и ее асинхронности у разных народов. Культурно-лингвистические различия между русскими, украинцами и белорусами, между сербами и хорватами, чехами и словаками никак не больше, чем, например, между бретонцами, провансальцами и эльзасцами, между ними никогда не было столь острых религиозных распрей, как между французскими католиками и протестантами, они были связаны многовековой общностью исторических судеб, и тем не менее непреодоленная социальная архаика восточноевропейских обществ не позволила им объединиться в единые нации-государства, как это произошло во Франции. Тем более это оказалось невозможным для народов, имеющих значительные культурно-религиозные различия. Сегодня русские и эстонцы, армяне и азербайджанцы, сербы и боснийцы и т. д. - часто не просто разные расовые, культурно-лингвистические или культурно-религиозные общности, как это было еще сто

лет назад. Это - разные исторические типы социума, ибо они находятся на разных стадиях модернизации, перехода от аграрного, сельского к индустриальному, городскому обществу.

Демографическая модернизация, осуществляющаяся в форме так называемого "демографического перехода", - одна из важнейших сторон общей модернизации. Все демографические процессы в Восточной Европе подчинены общим модернизационным закономерностям, в главном единым для всего мира. Но в то же время, будучи одновременно и причиной и следствием более общих перемен, они имеют и ярко выраженные особенности, отражающую культурно-историческую специфику и противоречия восточноевропейской модернизации. Различия, охватившие все стороны жизни западных и восточных европейцев, не могли, конечно, не дать себя знать и в демографической сфере. Уже задолго до начала демографического перехода на западе и на востоке Европы сложились две разные демографические модели, с началом перехода различия какое-то время увеличивались, потом стали уменьшаться, но не исчезли и в момент, когда мир вступает в третье тысячелетие, все еще остаются значительными.

Урбанизация

Урбанизация - рост числа городов и доли городского населения, распространение городских, "буржуазных" принципов организации социальной жизни - одно из главных проявлений модернизации.

К середине XX столетия в большинстве государств Западной Европы доля городского населения превысила 50%, только в двух из них она была ниже 40%. Напротив, в Восточной Европе не было ни одной страны, за исключением ГДР, которая достигла бы 50-процентного рубежа, и почти на всем пространстве региона сохранялись еще ощутимые черты отсталых аграрных обществ.

Но именно вторая половина XX столетия стала временем стремительного роста городского населения в Восточной Европе. За четыре десятилетия в 8 из 18 существовавших до конца 1980-х годов "социалистических" стран оно увеличилось более, чем в три раза, еще в 8 странах рост составлял от 2,2 до 2,7 раз. В большинстве же западных стран рост был менее, чем двукратным (табл. 2).

В результате к 1990 году различия в уровне урбанизации между востоком и западом Европы очень сильно ослабели. Подавляющее большинство восточноевропейских стран не только достигло 50-процентного порога доли городского населения, но и значительно превысило его, оказавшись в одном ряду с весьма продвинутыми западными государствами. Только небольшая группа западноевропейских "рекордсменов" урбанизации с долей городского населения 80% и более оставалась впереди всех стран Восточной Европы, в остальных же группах обе части Европы были представлены более или менее равномерно (табл. 3).

Таблица 2. Распределение стран по темпам роста городского населения за 1950-1990 гг.

Accroissement	Europe de l'Est		Europe de l'Ouest	
4 fois et plus	Moldova	5,3		
	Albanie	4,6		
	Bélarus	4,2		
	Arménie	4,0		
Entre 3 et 4 fois	Ex-Yougoslavie	3,7		
	Lituanie	3,5		
	Bulgarie	3,3		
	Azerbaïdjan	3,1		
Entre 2 et 3 fois	Ukraine	2,7	Finlande	2,3
	Roumanie	2,7	Grèce	2,2
	Tchécoslovaquie	2,6	Portugal	2,1
	Russie	2,5	Espagne	2,1
	Pologne	2,5		
	Géorgie	2,5		
	Estonie	2,2		
	Lettonie	2,2		
Moins que 2 fois	Hongrie	1,9	Norvège	1,9
	GDR <i>DDR</i>	1,0	Suisse	1,9
			France	1,8
			Irlande	1,7
			Pays-Bas	1,6
			Danemark	1,5
			Italie	1,5
			Suède	1,5
			RFA	1,5
			Autriche	1,3
			Belgique	1,2
			Royaume-Uni	1,2

Таблица 3. Распределение европейских стран по доле городского населения в 1950 и 1990 гг.

Pourcentage de la population urbaine	1950				1990					
	Europe de l'Est		Europe de l'Ouest		Europe de l'Est		Europe de l'Ouest			
< 30	Moldova	16,9	Portugal	19,2						
	Albanie	20,3								
	Bélarus	21,0								
	Ex-Yougoslavie	22,0								
	Bulgarie	25,6								
	Roumanie	27,7								
	Lituanie	28,3								
30-40	Ukraine	34,9	Finlande	32,0	Albanie	35,7	Portugal	33,6		
	Géorgie	35,5								
	Tchècoslovaquie	37,4								
	Pologne	38,7								
	Hongrie	39,3								
40-50	Arménie	42,0	Irlande	41,1	Moldova	47,4				
	Russie	43,1								
	Azerbaïdjan	43,8								
	Lettonie	45,3								
	Estonie	47,0								
50-60			Norvège	50,1	Roumanie	53,7	Irlande	57,1		
			Espagne	51,9	Azerbaïdjan	53,8			Autriche	58,4
			Grèce	54,3	Géorgie	56,0			Finlande	59,7
			Italie	54,3	Ex-Yougoslavie	56,1			Suisse	59,9
			France	56,2						
60-70			Suède	65,8	Pologne	61,8	Grèce	62,5		
			Danemark	68,0	Hongrie	64,3			Italie	68,9
					Bélarus	66,3				
					Ukraine	67,3				
					Bulgarie	67,7				
					Arménie	68,4				
					Lituanie	68,5				
70-80	GDR RDA	70,8	RFA	72,3	Lettonie	71,2	France	74,3		
					Estonie	71,6			Norvège	75,0
					Russie	73,8			Espagne	78,4
					Tchècoslovaquie	77,1				
					GDR RDA	77,2				
80+			Pays-Bas	82,7			Suède	84,0		
			Royaume-Uni	84,2					Danemark	87,0
			Belgique	91,5					RFA	87,4
									Pays-Bas	88,5
									Royaume-Uni	89,1
						Belgique	96,9			

Миграция

Внутренние миграции. Стремительная урбанизация восточноевропейских стран потребовала резкого повышения территориальной подвижности их населения. В целом городское население Восточной Европы за 40 лет выросло на 150 млн. человек, при том, что все ее население увеличилось всего на 1/2. Стало быть, главным источником роста числа горожан стало перераспределение населения между городом и селом, а главным механизмом этого перераспределения была миграция, которая и обеспечила перемещение в города десятков миллионов сельских жителей Восточной Европы - процесс, в течение десятилетий заметно влиявший на экономическую, социальную и политическую обстановку в большинстве стран региона. Только к концу столетия переток сельского населения в города в большинстве стран региона в основном уже произошел, соответственно ослабели и обусловленные им миграционные потоки.

Однако урбанизация была не единственным фактором, определявшим формирование мощных миграционных потоков. Экономика стран Восточной Европы переживала глубокие структурные изменения, которые приводили к появлению большого числа новых промышленных центров в некогда аграрных областях, к промышленному и сельскохозяйственному освоению новых, почти не освоенных прежде районов. Поэтому повсеместно "вертикальные" миграционные потоки из села в город переплетались с межрегиональными потоками, перераспределявшими население по всей территории каждой страны. Особенно характерно это было для СССР, обладавшего огромными слабо заселенными и даже вовсе не заселенными территориями.

Отличительной чертой внутренних миграций в Восточной Европе было активное вмешательство государства, пытавшегося поставить этот процесс под свой контроль. Западная Европа тоже пережила массовый исход населения из деревни в города в период быстрого развития промышленности, но, хотя он и там порождал немало проблем, это не ставило под сомнение принцип свободы передвижений граждан, который сам по себе признавался важным социальным завоеванием Нового времени.

В СССР же, как и в некоторых других восточноевропейских странах, стремительность перемен и неспособность урегулировать лавинообразно нараставшие проблемы привели к отказу от этого принципа, место которого заняли разнообразные полусредневековые ограничения подвижности населения с помощью системы внутренних паспортов, так называемой "прописки" - разрешения проживать в том или ином месте, запретов на свободное переселение в большинство крупных городов и т.п.

Внешние миграции. Еще более жестким был контроль "социалистических" государств над внешними миграциями. До Второй мировой войны большинство стран Восточной Европы были типичными странами эмиграции, что привело к возникновению значительных восточноевропейских диаспор за пределами этих стран. Общим местом стало, например, утверждение, что поляков в Нью-Йорке больше, чем в Варшаве.

Однако в послевоенные десятилетия над Восточной Европой опустился "железный занавес", во всех восточноевропейских странах (кроме Югославии после 1964 г.) действовали строгие ограничения на выезд. После завершения

крупных миграционных перемещений в первые послевоенные годы в Восточной Европе существовало лишь несколько узких и, как правило, строго контролируемых каналов эмиграции: воссоединение семей; дозированная репатриация или эмиграция отдельных национальных, реже религиозных меньшинств, для которых по тем или иным политическим причинам делалось исключение, иногда подталкивающее их к выезду (немцы, евреи, армяне в СССР, турки в Болгарии, евреи в Польше и т.п.); приобретение статуса политических беженцев лицами, не возвращавшимися из деловых или частных поездок, а также выехавшими из некоторых стран в короткие периоды неудавшихся попыток политических реформ (Венгрия в 1956 г., Чехословакия в 1968).

По оценкам, за весь послевоенный период чистая эмиграция из шести восточноевропейских стран (Восточной Германии, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии и Чехословакии) составила около 10 млн. человек, а без Восточной Германии - примерно 6 млн.³ Если же исключить из этого числа около 1,5 млн. судетских немцев, переселившихся из Чехословакии после войны, и примерно по 200 тыс. человек, покинувших Венгрию в 1956 и Чехословакию в 1968 гг.⁴, то всего из пяти стран (с общим населением около 100 млн. человек в "нормальных" условиях за четыре десятилетия эмигрировало примерно 4 млн. Из Советского Союза, по оценкам, выехало примерно 700 тыс. человек (??), включая репатриацию граждан довоенной Польши (250 тыс.), легальную эмиграцию евреев (290 тыс.), немцев (105 тыс.) армян (52 тыс.), репатриацию сравнительно малочисленных групп испанцев, греков и корейцев⁵. Обычная же эмиграция по экономическим, семейным и т.п. мотивам была ничтожной.

Официальная пропаганда в СССР и других странах Восточной Европы утверждала, что при социализме здесь отпали побуждения к эмиграции, существовавшие прежде, а потому сошла на нет и сама эмиграция, и это трактовалось как весьма положительный факт. Напротив, случаи репатриации из-за пределов "социалистического лагеря" (например, армян в СССР) всячески рекламировались. Но реальность противоречила пропаганде. С одной стороны, в таких странах, как Югославия или Польша, эмиграция и в послевоенный период не потеряла своего значения. С другой же стороны было ясно, что в ряде стран масштабы эмиграции искусственно сдерживались. О роли такого сдерживания хорошо говорит пример бывшей ГДР. С 1950 по 1988 г. чистая эмиграция из ГДР в ФРГ составила 4 млн. человек, из них 3,5 млн. - за первые 12 лет до 1961 г., т.е. до возведения Берлинской стены. О том, насколько жесткими могли быть иногда меры по пресечению эмиграции, свидетельствует тот факт, что при попытках самовольно пересечь Берлинскую стену за 7 лет ее существования было только убито на месте человек.

Миграционная ситуация в Восточной Европе в 1990-е годы. С началом быстрых политических перемен в конце 80-х годов общая картина миграций в Восточной Европе резко изменилась.

Все государства региона официально признали принцип свободы передвижения и ликвидировали или, по крайней мере, смягчили ограничения на внутренние перемещения и особенно на въезд в страну и выезд из страны.

3

4

5

При этом либерализация политики, касающейся внутренних миграций, в ряде случаев оказалась даже более сложным делом, чем когда речь шла о международных миграциях.

Так, в России и в некоторых других постсоциалистических странах сохраняется еще механизм прописки. Он всегда был не только частью системы полицейского контроля миграции, но одновременно и важным элементом системы распределения жилья в условиях отсутствия его свободного рынка. Так как во многих случаях этот рынок продолжает оставаться неразвитым, во многих местах в той или иной форме прежние ограничения сохраняются. С ограничениями всякого рода часто сталкиваются перемещенные лица, беженцы и другие сходные с ними категории мигрантов, появившиеся в Восточной Европе в связи с изменениями межгосударственных границ и вспыхивающими в разных местах вооруженными конфликтами.

Огромные изменения произошли с межрегиональными миграциями. В результате распада союзных государств, многие из них из внутренних превратились в межгосударственные.

В 80-е годы в СССР главные межрегиональные потоки в бывшем советском пространстве были направлены от менее развитых и урбанизированных - к более развитым и урбанизированным республикам. Положительную нетто-миграцию в этот период имели только Россия, Украина, Литва, Латвия и Эстония. Россия - некогда главный поставщик населения в другие районы бывшего Союза - стала получать от них население, начиная еще с середины 70-х годов, когда, по-видимому, и закончилась эпоха длительной восточнославянской колонизации.

В 90-е годы "постколониальные" тенденции предыдущих лет стали еще более выраженными. Нетто-миграция во всех бывших республиках СССР, кроме трех славянских, стала отрицательной (лишь в Армении в начале 90-х годов отмечалось положительное миграционное сальдо). Во второй же половине 90-х годов устойчивый, хотя и сократившийся миграционный прирост наблюдался только в России, с которой связаны наиболее значительные миграционные потоки в постсоветском пространстве. Они имеют ярко выраженный "возвратный" характер: русское и русскоязычное население, некогда двигавшееся из центра на периферию империи, сейчас снова стягивается к центру, роль которого играет Россия. За 1991-1997 годы нетто-миграция из бывших республик СССР в Россию превысила 3,3 млн. человек.

Эмиграция по экономическим причинам. Ослабление или отмена ограничений на выезд из восточноевропейских стран во второй половине 1980-х годов, а иногда и ранее, привели к резкому росту "нормальной", распространенной во всем мире миграции по экономическим причинам: в поисках работы, более высоких доходов, самореализации, "утечка умов" и т.п. Это вызвало тревожные настроения в западноевропейских странах, где опасались, что эмиграционный вал из Восточной Европы будет нарастать и приведет к росту демографического давления на ресурсы Запада.

Долговременная экономическая эмиграция из Восточной Европы действительно резко выросла, но все же огромного "миграционного взрыва", которого опасались на Западе, не произошло. Всплеск эмиграции, который наблюдался в первой половине 90-х годов, оказался не очень большим. Например, объем ежегодной долговременной эмиграции из России, а на нее

приходится примерно половина всей эмиграции за пределы бывшего СССР из европейских постсоветских государств (без Закавказья), с 1990 г. установился примерно на уровне 100 тыс. человек в год.

В то же время получили широкое распространение кратковременные миграции экономической природы как между странами Восточной Европы, так и на Запад: сезонная миграция рабочей силы, "челночные" торговые поездки и пр.

За первую половину 1990-х годов из Восточной Европы в целом выехало примерно 2,5 млн. человек⁶, однако далеко не всю эту эмиграцию можно считать экономической. Она включала в себя "этническую" миграцию - репатриацию некоторых этнических групп на свою "историческую родину" (евреев - в Израиль, немцев - в Германию и т.п.), а также обусловленную политическими причинами вынужденную миграцию.

Вынужденные миграции. Этот вид миграции начал приобретать массовый характер в Восточной Европе с конца 1980-х годов. Их разграничение на внутренние и внешние до известной степени условно, так как они часто совершаются на территориях, еще недавно бывших единым государством, и часто воспринимаются самими мигрантами как единое пространство.

В большинстве случаев такие миграции связаны с острыми межэтническими конфликтами и часто имеют выраженный этнический характер. Только на территории бывшего СССР с конца 80-х годов было зафиксировано 7 региональных войн - вооруженных столкновений с участием регулярных войск и использованием тяжелого оружия (в Нагорном Карабахе, Абхазии, Таджикистане, Южной Осетии, Приднестровье, Чечне и Дагестане) и около 20 кратковременных вооруженных столкновений, сопровождавшихся жертвами среди мирного населения. Все эти конфликты порождали потоки беженцев, иногда очень значительные, причем в большинстве случаев основная масса беженцев так и не смогла возвратиться в покинутые места. Только в Азербайджане число лиц, покинувших места своего прежнего проживания, приближается к 1,5 млн., в Армении превысило 500 тыс., в Грузии - 650 тыс., в Молдавии - составило около 140 тыс., внутри России (в Северной Осетии и Чечне) - превысило 750 тыс.⁷

Но все рекорды побила бывшая Югославия. Ее распад сопровождался острыми вооруженными конфликтами и массовым бегством населения из районов боевых действий. Только в Боснии и Герцеговине в связи с кровавым военным конфликтом вынуждена была оставить свои дома примерно половина ее довоенного населения (4,3 млн. человек). Ко времени заключения Дейтонского мирного соглашения примерно 1,1 млн. жителей Боснии оказались перемещенными лицами внутри страны, 510 тыс. эмигрировало в бывшие республики СФРЮ, 600 тыс. - в страны Западной Европы⁸.

Новый всплеск вынужденных миграций был связан с событиями в Косово в 1998-1999 гг., вследствие которых многие сотни тысяч албанцев были

⁶

⁷ Мукомель В. Демографические последствия этнических и региональных конфликтов в СНГ. Население и общество, №27, Апрель 1997.

⁸ Migration in Central and Eastern Europe: 1999 Review. IOM and ICMPD, Geneva, 1999, p. 31.

вынуждены покинуть места своего проживания и превратились в перемещенных лиц, а затем образовали противоположно направленный поток мигрантов, возвращающихся в свои дома.

Транзитная миграция. Новыми для региона стали потоки транзитных мигрантов, которые, пользуясь резким ослаблением пограничного контроля вследствие политических перемен 1989-1991 годов, прибывают в Восточную Европу из стран Третьего мира, намереваясь использовать страны этого региона для дальнейшего продвижения на Запад. Десятки и даже сотни тысяч выходцев из Индийского субконтинента, других стран Азии и Африки, нередко пройдя через пять-шесть стран, перемещаются на Запад через Польшу, Чехию, а также через Болгарию, Венгрию, Румынию и Словакию, предварительно проследовав через территорию бывшего СССР. Часть из этих мигрантов оседает в странах, которые первоначально они намеревались только пересечь, пребывание других в этих странах иногда надолго затягивается, хотя и не получает обычно законного оформления. Вообще вся транзитная миграция, как правило, замаскирована, имеет нелегальный или полулегальный характер.

В целом миграционная обстановка в Восточной Европе на исходе XX века неустойчива и хаотична и, по-видимому, соответствует переходному состоянию восточноевропейских обществ, переживающих глубокие экономические и политические реформы. По мере того, как это состояние будет преодолеваться, можно ожидать эволюции миграционной ситуации, сближающей ее с ситуацией в Западной Европе в том смысле, что экстраординарные миграции, порождаемые непредвиденными политическими событиями, будут все больше уступать место "нормальным" долгосрочным миграциям по экономическим соображениям. Так как экономические и политические различия между западом и востоком Европы исчезнут еще не скоро, сохранится и привлекательность переезда с востока на запад, а значит и соответствующим образом направленные миграционные потоки. Но в то же время и сами страны Восточной Европы будут все в большей мере привлекать мигрантов из-за ее пределов, в основном из развивающихся стран.

Рождаемость

Уровень рождаемости: сближение двух Европ. Сегодняшняя Европа выделяется на фоне всех других крупных регионов мира крайне низкой рождаемостью. На исходе XX века, в 1999 г., (среднемировой показатель суммарной рождаемости (среднее число детей, родившихся в течение года в расчете на одну женщину) составил 2,9. Он очень высок в Африке (5,4), намного ниже, но все же достаточно высок в Азии (2,8) или Америке (2,5), в Европе же (без России) он равен всего 1,4, а в России - и того меньше. Сейчас в Европе не осталось ни одной страны, в которой уровень рождаемости обеспечивал бы хотя бы простое замещение поколений (для этого нужно, в зависимости от уровня смертности, 2,1-2,3 рождений на одну женщину).

Что же касается различий между странами и регионами внутри Европы, то хотя они и существуют, они не особенно велики, и сейчас, с точки зрения **уровня** рождаемости, разделение Европы на Западную и Восточную лишено смысла.

Так было не всегда. Демографический переход и связанное с ним снижение рождаемости в Западной Европе начались намного раньше, чем в

Восточной, и на рубеже XIX и XX столетий различия между ними были очень заметными. Но в течение первой половине XX столетия снижение рождаемости в Европе стало практически повсеместным, различия между двумя частями континента постепенно уменьшались, и к 1960 г. практически сошли на нет (табл. 4).

indicator conjunctive
Таблица 4. Показатель итоговой рождаемости в некоторых странах Восточной и Западной Европы, 1900-1990

	1900	1930	1960	1970	1980	1990
Болгария	6.6	3.7	2.3	2.2	2.1	1.8
Венгрия	...	2.8	2.0	2.0	1.9	1.8
Россия	7.1*	5.4**	2.6	2.0	1.9	1.9
Украина	7.5	4.2	2.3	2.0	2.0	1.9
Англия и Уэльс	...	2.0	2.7	2.4	1.9	1.8
Италия	...	3.4	2.4	2.4	1.7	1.4
Финляндия	4.9	2.8	2.7	1.8	1.6	1.8
Франция	2.9	2.3	2.7	2.5	1.9	1.8
Швеция	4.0	2.0	2.2	1.9	1.7	2.1

* 50 губерний Европейской России; ** Европейская часть СССР.

В 1960 г. значения показателя итоговой рождаемости подавляющего числа европейских стран заключались между 2 и 3, экзотические исключения составляли лишь несколько анклавов, сконцентрированных, если не считать Ирландии (3,8) в основном в юго-восточном углу Европы (Азербайджан - 5,3; Армения - 4,3; Турция - 3; Молдова - 3,5; Македония - 4,1; Босния и Герцеговина - 3,9; Албания - 6,9). Большинство из этих стран принадлежали к "социалистическому лагерю".

Динамика рождаемости: различия в траектории. На протяжении всей второй половины XX века различия в динамике показателей рождаемости на Востоке и на Западе Европы не имели принципиального характера. В обоих случаях рождаемость снижалась, но траектории этого снижения были разными, фазы колебаний не совпадали, так что соотношения показателей в обеих группах стран периодически менялись.

С середины 50-х годов рождаемость в западноевропейских странах росла, в Восточной же Европе этого роста не было. В результате в 60-е годы "социалистические" страны выглядели чем-то вроде "демографической воронки" в Европе, в частности, за счет самой низкой рождаемости. В следующем десятилетии положение поменялось. При общем падении рождаемости, к 1980 году самые низкие показатели оказались в группе западноевропейских стран, и это положение даже усугубилось к 1990 г. Но затем соотношение снова резко изменилось за счет более быстрого падения показателей в Восточной Европе.

Новая конвергенция. Может показаться, что это падение - прямое следствие крушения восточноевропейского "социализма", связанного с этим экономического кризиса, деградации условий жизни и т.д. Но скорее всего это не так. По существу, восточноевропейские страны лишь ускоренно проходят

тот путь, который многие страны Западной Европы проделали несколько раньше почти с такой же скоростью в отсутствие каких бы то ни было потрясений и даже в периоды процветания. Среди стран, представленных на рис. , этот путь еще в 70-е годы прошла тогдашняя ФРГ, через некоторое время за ней последовала Италия, затем Греция, Испания и - первая из восточноевропейских стран Словения, а уже в 90-е годы к ним присоединились Болгария, Чешская республика, Россия, Украина и Эстония.

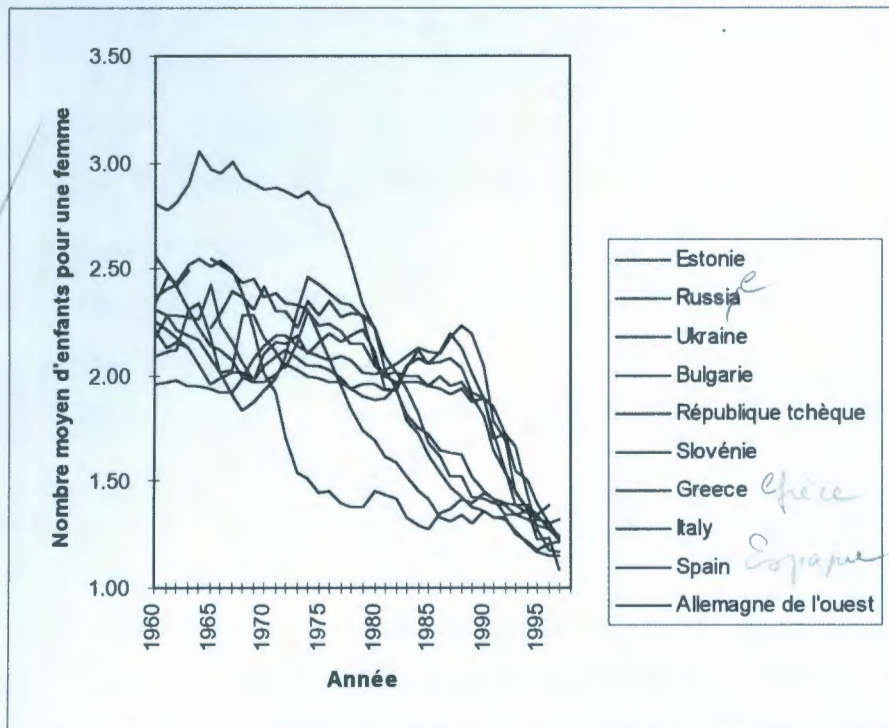

Рис. 1. Снижение рождаемости в некоторых странах Европы

По-видимому, речь идет о более глубоких изменениях, чем те, которые можно связать только с конъюнктурными колебаниями экономической или политической ситуации. Все европейские общества движутся к расширению свободы выбора для мужчины и женщины как в семейной, так и в социальной области, к равенству партнеров в браке, к большим возможностям контактов между поколениями, к удовлетворению личных потребностей, самореализации и т. д. Совокупность происходящих перемен иногда обозначают термином "второй демографический переход"⁹. Его смысл усматривают "в возрастающей ценности индивидуальной автономии и индивидуального права выбора" и видят в нем естественный спутник модернизации и демократизации. Во всех странах, представленных на рис. 1, модернизация шла с большим или меньшим отставанием, все они пережили периоды задержки, искусственного торможения инновационных перемен в условиях тоталитарных режимов или сильного клерикального давления. Но рано или поздно жизнь брала свое, и массовое демографическое поведение стремительно менялось, причем чем позднее наступал поворот, тем резче были перемены, круче и глубже падение рождаемости. В конечном счете, она оказывалась даже ниже, чем в таких

⁹ Van de Kaa D.J. Europe's Second Demographic Transition. Population Bulletin, Washington, 1987, (41) 1.

классических цитаделях низкой рождаемости, как Франция или скандинавские страны.

В 90-е годы этот новый этап общеевропейской конвергенции демографического поведения докатился и до Восточной Европы, что, конечно, было связано с переживаемыми ею политическими переменами. Как не без основания полагает бельгийский демограф Лестег, один из авторов концепции "второго демографического перехода", "то же, что сейчас обуславливает стремление к демократии в Восточной Европе, как и в других частях мира, прокладывает там путь и второму демографическому переходу. Эпоха растущего религиозного и политического контроля над индивидуальной жизнью человека, которая с такой жестокостью утвердилась на Западе со времен Реформации и Контрреформации и которая длилась до второй половины XX века, пришла к концу"¹⁰.

Уровень рождаемости - не единственная ее характеристика, быстро менявшаяся в XX веке. Есть и другие, которые важны для понимания того, что происходит с современной семьей как на востоке, так и на западе Европы. В частности, очень большое значение имеет возраст, в котором женщины рожают детей и который всегда был тесно связан с возрастом вступления в брак. Что происходит с этими параметрами?

Разные возрастные модели брачности и рождаемости. Как показал демограф Джон Хаджнал, начиная, по крайней мере, с XVII века, в ряде стран установилась особая, неизвестная прежде модель брачности, которую он назвал "европейской", хотя на самом деле эта модель наблюдалась только в Западной Европе. Она была "распространена на территории Европы к западу от линии, соединяющей (не строго по прямой) Санкт-Петербург и Триест"¹¹, и не встречалась нигде больше.

Европейскую модель, которая сохранялась до начала XX века, отличали две главные особенности: позднее вступление в брак и высокая доля женщин, вообще не вышедших замуж, во всяком случае до окончания того возраста, когда они еще могли иметь детей (впрочем и доля мужчин, не вступивших в брак до старости, тоже была очень высокой). Хаджнал представил данные, относящиеся к 1900 г. или около того, по всем европейским странам и пришел к выводу, что для иллюстрации существовавших различий можно взять практически любую из стран, находящихся как на востоке, так и на западе Европы. Приведем такую иллюстрацию в табл. 5.

Как видим, на рубеже XIX и XX веков во Франции незамужними оставались 30 процентов женщин в возрасте 25-29 лет, в Великобритании - 42 процента, в Швеции - больше половины. В Венгрии же этот показатель составлял всего 15 процентов, в России или Румынии - меньше 10. И даже дожив до возраста 45-49 лет, от 10 до 20 процентов женщин в западноевропейских странах все еще не знали брака, тогда как в Восточной Европе доля таких женщин составляла 3-4 процента, а иногда и менее.

¹⁰ Lesthaeghe R. Der zweite demographische Ubergang in den westlichen Landern: eine Deutung. Zeitschrift für Bevölkerungswissenschaft, 1992, Vol. 18, 3, S. 350.

¹¹ Хаджнал Дж. Европейский тип брачности в ретроспективе.я- В кн.: Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979, с. 14-15.

Таблица 5. Доля не состоящих в браке мужчин и женщин около 1900 г. в некоторых европейских странах (в процентах к общей численности населения в данной возрастной группе)

	Мужчины			Женщины		
	20-24 года	25-29 года	45-49 лет	20-24 года	25-29 года	45-49 лет
Западная Европа						
Великобритания	83	47	12	73	42	15
Франция	90	48	11	58	30	12
Швеция	92	61	13	80	52	19
Восточная Европа						
Венгрия	81	31	5	36	15	4
Россия	51	18	3	28	9	4
Румыния	67	21	5	20	8	3

Источник: Хаджнал Дж. Европейский тип брачности в ретроспективе.- В кн.: Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979, с. 16-17.

Различия в моделях брачности могут показаться второстепенными, но на самом деле в них отразились очень существенные особенности демографических процессов, характерных для обеих частей Европы до начала XX века. Поздние и не всеобщие браки, свойственные европейской модели брачности, означали значительное сокращение средней продолжительности жизни в браке для женщин прокреативных возрастов. При отсутствии массовой практики ограничения рождаемости в браке это имело следствием значительное снижение рождаемости. Именно такой путь рекомендовал Мальтус, хотя, по существу, он просто указывал на уже существовавшую в его время западноевропейскую практику. Но она никогда не была общеевропейской. Еще в конце XIX и даже в начале XX века на западе и на востоке Европы существовали две разные стратегии брачности-рождаемости - "мальтузианская" и "домальтузианская", что очень сильно сказывалось на показателях рождаемости (табл. 6).

Таблица 6. Общий коэффициент рождаемости в некоторых европейских странах в конце XIX - начале XX века, промилле

Страна	1870	1900	1930	Страна	1870	1900	1930
Западная Европа				Восточная Европа			
Англия и Уэльс	35,2	28,7	16,3	Болгария	...	42,3	31,4
Германия	38,5	35,6	16,8	Венгрия	42,1	39,4	25,4
Италия	36,8	33,0	26,7	Россия	49,2*	49,3*	43,9**
Франция	25,9	21,3	18,0	Румыния	34,4	38,8	35,0
Швеция	28,8	27,0	15,4	Сербия	44,8	42,4	...

* Европейская часть Российской империи, включая большую часть современных Украины и Белоруссии, Литву, Латвию и Эстонию; ** Россия в границах 1992 г.

Источники: Chesnais J.-C. La transition démographique. Paris, PUF, 1986, p. 502-505; Андреев Е., Дарский Л., Харьков Т. Демографическая история России: 1927-1959. М., Информатика, 1998, с. 164.

На рубеже веков можно было предположить, что либо западноевропейская и восточноевропейская стратегии брачности-рождаемости будут по-прежнему эволюционировать дивергентно, либо они будут сближаться и Восточная Европа будет постепенно осваивать лучше соответствующую новым условиям "мальтузианскую" стратегию. На деле же реализовался третий вариант, "неомальтузианский", который предполагал ограничения рождений в браке. Эта новая стратегия довольно быстро была воспринята в обеих частях Европы.

В результате связь между возрастом вступления в брак и числом детей оказалась разорванной, и поздняя "европейская" брачность потеряла свой смысл. И хотя Восточная Европа так и осталась регионом более ранней и высокой брачности и в этом смысле не пошла по стопам Западной, к 1960 г. восточноевропейская брачность практически утратила свою специфичность за счет того, что западноевропейцы сами довольно далеко продвинулись навстречу своим восточноевропейским соседям, их брачность помолодела, а доля лиц, вовсе не вступающих в брак, уменьшилась.

Однако последующее развитие событий, на первый взгляд, свидетельствовало о возникновении новой (или возрождении старой) дивергенции. С первой половины 70-х годов началось новое повышение возраста вступления в первый брак, постепенно охватившее все страны Западной Европы. Восточная же Европа в целом оставалась верна традиции более ранних браков. Но постепенно положение стало меняться и здесь. В 90-е годы средний возраст вступления в первый брак почти во всех восточноевропейских странах хотя и был существенно ниже, чем в западноевропейских, но демонстрировал явную тенденцию к росту.

Примерно то же самое происходило и со средним возрастом матери при рождении детей. До середины 70-х годов он снижался во всех европейских странах и к этому времени был более или менее одинаковым в обеих частях континента. Но затем их пути разошлись. Западные европейские матери стали рожать своих детей все позже, восточноевропейские - все раньше. Однако и здесь различия стали постепенно размываться, и страны Восточной Европы одна за другой стали поворачивать к более позднему материнству.

Не исключено, что эта новейшая эволюция связана с отказом от государственного патернализма, столь свойственного существовавшему до недавнего времени "социалистическим" режимам: рост индивидуальной ответственности родителей за судьбу своих детей побуждает их откладывать рождения до времени, когда они чувствуют себя достаточно обеспеченными материально. Возможно также, что сказывается появление более совершенных противозачаточных средств и рост контрацептивной культуры молодых супругов, которые теперь могут лучше планировать сроки появления детей. Но в целом следует признать, что мотивы изменения возрастных моделей рождаемости во второй половине XX века как на западе, так и на востоке Европы, пока изучены недостаточно.

Новые модели семьи. Эволюция брачности и рождаемости во второй половине XX века свидетельствует о том, что эти два процесса, которые всегда были тесно связаны между собой, постепенно обособляются. Новые технические возможности, современный образ жизни и либеральная семейная и половая мораль делают возможной намного большую, чем прежде,

матримониальную и семейную мобильность мужчин и женщин. Они позволяют заключать "пробные браки", сравнительно легко разрывать брак, менять брачного партнера, жить в браке и сознательно не иметь детей, рожать детей вне брака, воспитывать общих детей, состоя в разных браках и т.п. Все это приводит к появлению все новых и новых вариантов индивидуальных "семейных траекторий", которые разрушают стройную статистическую картину формирования и развития семей, фиксируемую с помощью регистрации заключения и прекращения браков и рождения детей.

Повсеместно отмечается сокращение числа браков, однако речь идет обычно о **регистраруемой** брачности, что в значительной степени компенсируется быстрым ростом числа свободных союзов, часто обладающих всеми основными признаками брака и нередко превращающихся впоследствии в зарегистрированный брак. Поэтому отмеченное выше "постарение" брачности в Европе, возможно, в большой мере артефакт, ибо повышается возраст регистрации браков, а не их фактического заключения. Еще одно быстро прогрессирующее явление - рост доли детей, рождающихся вне брака, хотя снова надо подчеркнуть, что имеются ввиду зарегистрированные браки, которых действительно становится все меньше и меньше.

Как обычно, все эти новые явления приобретают известный размах вначале на западе Европы, но довольно скоро распространяются и на ее восточную часть. Приводимые в табл. 4 данные о внебрачных рождениях в странах Европы в 1970 и 1990 гг. свидетельствуют о том, что, хотя некоторые страны выделяются среди всех остальных очень высокой долей внебрачных рождений и среди них нет восточноевропейских, в целом говорить о принципиальных различиях между Западом и Востоком Европы по этому показателю нет оснований.

Планирование семьи. Низкий уровень и наличие характерных возрастных моделей рождаемости свидетельствует о том, что подавляющее большинство населения как на западе, так и на востоке Европы сознательно планируют число рождений и время появления детей на свет. Однако методы планирования семьи в обеих частях Европы пока очень сильно различаются. В отличие от западноевропейских стран, где преобладают различные методы *предотвращения* беременности, во многих странах Восточной Европы тот же результат в очень большой степени обеспечивается за счет ее *прерывания* с помощью искусственного аборта.

Эти различия имеют, по-видимому, историческое объяснение. Описанная выше допереходная стратегия брачности-рождаемости в Западной Европе была своеобразной "преадаптацией", облегчившей впоследствии переход к новым методам регулирования рождаемости. Он совершился не сразу, ограничение деторождения в браке поначалу лишь дополняло его ограничение путем откладывания браков и только постепенно стало его вытеснять. В "догонявшей" Восточной Европе возможности двигаться постепенно не было, а путь, который в течение XX века должны были проделать показатели рождаемости, двигаясь от высокого уровня к низкому, здесь был едва ли не вдвое большим, чем на Западе. Здесь, стало быть, требовались более кардинальные и более быстрые перемены в демографическом поведении.

Таблица 7. Naissances hors mariage pour 100 naissances

Pourcentage	1970				1995			
	Europe de l'Est		Europe de l'Ouest		Europe de l'Est		Europe de l'Ouest	
< 5	Arménie	1,7	Grèce	1,1	Azerbaïdjan	2,6*	Grèce	3
	Azerbaïdjan	3,4	Espagne	1,4				
	Lituanie	3,7	Pays-Bas	2,1				
			Italie	2,2				
			Irlande	2,7				
			Belgique	2,8				
			Suisse	3,8				
5-10	Pologne	5	RFA av, unif,	5,5	Bosnie-Herzégovine	7,4*	Suisse	6,8
	Bosnie-Herzégovine	5,3	Finlande	5,8	Croatie	7,5	Italie	8,1
	Croatie	5,4	France	6,8	Macedoine	8,2		
	Rép, tchèque	5,4	Norvège	6,9	Arménie	9,3		
	Hongrie	5,4	Allemagne	7,2	Pologne	9,5		
	Rép, Slovaque	6,2	Portugal	7,3				
	Macedoine	6,3	Royaume-Uni	8				
	Bélarus	7,3						
	Moldova	8****						
	Slovénie	8,5						
	Ukraine	9,2						
	Bulgarie	9,4						
10-20	Russie	10,8	Danemark	11	Lituanie	12,6	Espagne	11,1
	Lettonie	11,4	Autriche	12,8	Rép, Slovaque	12,6	RFA av, unif,	12,9
	Yougoslavie	11,7	Suède	18,4	Ukraine	12,8*	Belgique	14,6*
						**		*
	Ex-RDA	13,3			Moldova	13,3	Pays-Bas	15,5
	Estonie	14,1			Bélarus	13,5	Allemagne	16,1
					Rép, tchèque	15,6	Portugal	18,7
					Yougoslavie	16,5		
				Roumanie	19,8			
20-30			Islande	29,8	Hongrie	20,7	Irlande	22,3
					Russie	21,1	Autriche	27,4
					Bulgarie	25,8		
					Slovénie	29,8		
30-40					Lettonie	29,9		
					Ex-RDA	41,8	Finlande	33,1
40-50					Estonie	44,1	Royaume-Uni	33,6
							France	37,6
50+							Danemark	46,5
							Norvège	47,6
							Suède	53
							Islande	60,9

* 1990 ** 1993 *** 1994 **** 1975

Между тем, в культурном и психологическом отношении Восточная Европа была очень мало подготовлена к регулированию деторождения в браке. Лишь кое-где в высших слоях общества здесь сложились островки, знакомые с этой практикой. На рубеже веков ее знала, вероятно, и какая-то часть городского населения - брачная рождаемость городского населения в России, Венгрии, Сербии, Болгарии и т. д. была заметно ниже, чем сельского. Но это последнее составляло подавляющее большинство, а ему-то как раз практика планирования семьи была мало знакома: Массовое отношение к аборту было крайне неодобрительным и, как показывает пример бывшего СССР, какое-то время оставалось таким даже после законодательного разрешения аборта.

Тем более парадоксальным выглядит тот факт, что уже в 30-е годы практика искусственного прерывания беременности стала стремительно распространяться в Советском Союзе, даже несмотря на то, что либеральное законодательство в отношении аборта начала 20-х годов в середине 30-х сменилось запретительным и репрессивным. И вопреки закону, и вопреки традиции, аборт стал едва ли не основным инструментом снижения рождаемости в СССР и в других странах Восточной Европы.

В 50-е годы во всех восточноевропейских странах, кроме Албании, были приняты весьма либеральные законы об аборте, что, возможно, затормозило развитие здесь контрацепции. В результате страны Восточной Европы вышли в число рекордсменов по числу абортов. В конце 80-х годов в них производилось не менее четверти мирового числа абортов (7,5-8 млн.)¹². Быстрое увеличение числа абортов вызвало в ряде случаев негативную реакцию со стороны властей и привело к новому ужесточению законодательства об аборте. Классический пример - Румыния, где в 1963-1965 гг. количество зарегистрированных абортов превышало 1 млн. В 1966 г. здесь были введены жесткие запреты на производство аборта, и их число в следующем году уменьшилось, по сравнению с 1965, более, чем в 5 раз. В 1985 г. запреты были еще более ужесточены и выросшее было число абортов снова сократилось. Во второй половине 60-х - первой половине 70-х годов были введены ограничения на аборт в Болгарии, Венгрии, Чехословакии.

Меры по ограничению абортов не пользовались популярностью, и вторая половина 80-х годов вместе с политическими переменами принесла и новую волну либерализации законодательства об абортах. В частности, в Румынии отмена запрета на аборт в декабре 1989 г. была одним из первых актов нового режима. Число абортов немедленно резко подскочило: со 193 тыс. в 1989 до 992 тыс. в 1990 г. Затем это число постепенно сокращалось, но все же оставалось очень высоким. По числу абортов Румыния выделяется даже на восточноевропейском фоне, но сам фон этот и в конце XX века остется крайне неблагоприятным.

Ранжированные показатели соотношения числа абортов и рождений в европейских странах совершают резкий скачок у границ Восточной Европы. В середине 90-х годов в западноевропейских странах число абортов на 100 родов редко превышало 25, в среднем для Европейского союза оно было ниже 20. Самый же низкий показатель для восточноевропейских стран был 40 (в

¹² Henshaw S.K. Induced abortion: a world review, 1990.-International Family Planning Perspectives. 1990, vol. 16 No.2, p. 59-65.

Хорватии), в семи замыкавших список странах он превышал 100 (Молдавия, Латвия, Эстония, Болгария, Украина, Россия, Румыния), причем в России он приближался к 200, а в Румынии превышал 200. Нет регулярно публикующихся данных по Сербии, но, судя по некоторым более ранним оценкам, число аборт там также очень велико (в 1986 г. 138, а без Косово - 218 аборт на 100 родов)¹³.

Отставание или неустранимое своеобразие? Теория демографического перехода подчеркивает общие черты новейшей демографической эволюции разных стран и народов, однако все же не предполагает, по-видимому, ее полной одинаковости. Одни и те же общие тенденции проявляются в разных условиях места и времени и поэтому неизбежно реализуются во множестве вариантов. Естественно поэтому, что конвергентные тенденции всегда соседствуют с дивергентными. Но сам по себе переход - это мощное проявление прежде всего конвергентного развития, что и подтверждается изменениями рождаемости в Европе в XX в.

Судя по всему, именно уменьшение числа детей в семье, снижение рождаемости было целевой доминантой перехода в области рождаемости, что и сближало обе части Европы. На определенном этапе модернизации это снижение становится неустранимым императивом, который задает общее направление движения. Экономические и социально-культурные различия между странами позволяют объяснить относительно небольшие различия в рамках одного и того же исторического типа рождаемости - допереходного или постпереходного, могут даже послужить причиной различий во времени начала перехода, отсрочить или приблизить его. Но они в очень большой степени утрачивают значение, если переход уже начался. Тогда он очень быстро распространяется на все слои населения, приводит к стремительному изменению их демографического поведения, что и отражается в показателях рождаемости. Это - время торжества конвергентного начала. При этом, однако, и дивергенция получает новые основания в реальном плюрализме новых форм демографического и семейного поведения, тем более, что разложение старых и становление новых форм поведения в Западной и Восточной Европе шло в разных условиях.

Восточноевропейские общества стремительно вошли в полосу демографических перемен, не будучи вполне готовыми к ним. Догоняющее развитие вообще постоянно порождает подобные коллизии. Социальные нововведения заимствуются у более продвинутых обществ в готовом виде, что позволяет отставшим двигаться быстрее, минуя многие промежуточные этапы и не неся ненужных потерь. В этом - позитивная сторона догоняющего развития. Но оно имеет и негативную сторону. Заимствованные нововведения переносятся на неподготовленную почву, порождая причудливый и нередко не самый удачный сплав старого и нового. Демографический переход в Восточной Европе был частью общей модернизации восточноевропейских обществ, которая совершилась быстро, но, так сказать, вчерне, оставив многое недоделанным, ждущим своего часа.

Тем не менее при демографическом анализе эволюции рождаемости на Востоке Европы на первый план выходит, скорее, сходство с Западом, нежели

¹³Rasevic M. Thirty years of induced abortion in Yougoslavia. Background document. International Conference "From abortion to contraception", Tbilisi, 10-13 October 1990.

отличие от него. Явных и к тому же неблагоприятных для Востока отличий, подобных тем, что мы видели на примере планирования семьи, не так уж много и, скорее всего, со временем они исчезнут.

Продолжительность жизни

Растущее отставание Восточной Европы. XX век во всем мире стал временем глубокой модернизационной трансформации извечного процесса вымирания человеческих поколений. Суть этой трансформации заключается в установлении эффективного контроля над многими неконтролируемыми прежде факторами смертности и причинами смерти (например, контроль над эпидемиологической обстановкой и инфекционными заболеваниями), всегда приводившими к массовой ранней смертности и, вследствие этого, в оттеснении подавляющего числа смертей ко все более поздним возрастам и в огромном росте продолжительности жизни.

Нет ничего удивительного в том, что модернизация смертности в Восточной Европе началась позднее, чем в Западной, и что по уровню ожидаемой продолжительности жизни восточноевропейские страны долго отставали от своих западных соседей. Однако сразу после Второй мировой войны это отставание стало быстро сокращаться, и к середине 60-х годов оно уже не было столь очевидным.

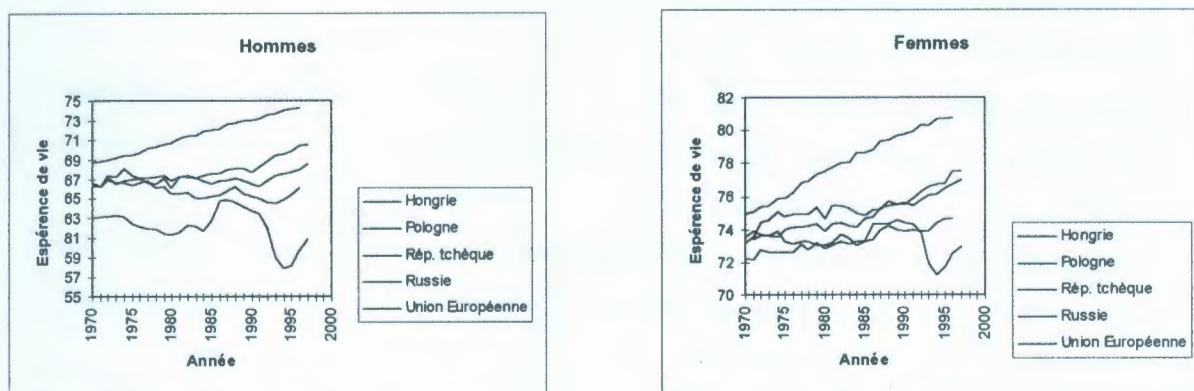

Рис. Ожидаемая продолжительность жизни в некоторых странах Восточной Европы и в Европейском Союзе

Но именно в это время наступил перелом в динамике смертности - по-разному в обеих частях Европы - и показатели смертности и продолжительности жизни в них, до этого сближавшиеся, снова стали расходиться (рис.). Последующее развитие событий показало, что из всех демографических процессов именно смертность оказалась наиболее чувствительной к политическим различиям между Западом и Востоком Европы, существовавшим до конца 80-х годов. В то время, как ожидаемая продолжительность жизни в Западной Европе на протяжении всей второй половины XX века неуклонно росла, в Восточной Европе ее рост приостановился а в ряде случаев сменился сокращением. Восточноевропейские страны стали быстро терять завоеванные позиции, откатываясь на последние места в европейской иерархии стран по продолжительности жизни. В конце концов, даже самые передовые в смысле продолжительности жизни восточноевропейские страны, такие, как ГДР и

Чехословакия, оказались позади Португалии, долгое время замыкавшей европейский список.

Особенно наглядно различия между западом и востоком Европы видны на примере младенческой смертности, которая всегда служит хорошим индикатором как качества жизни в целом, так и эффективности систем здравоохранения. В середине 60-х годов, при некотором преимуществе западноевропейских показателей младенческой смертности, четкого разделения на две группы стран по этому параметру не существовало. В списке из 40 европейской страны, ранжированных по уровню младенческой смертности, 2 восточноевропейские страны входили в первый десяток, еще 6 - во второй, 6 - в третий и 9 - в четвертый. К 1980 г., младенческая смертность повсеместно снизилась, но при этом в первых двух десятках из восьми осталось только пять стран Восточной Европы, а к 1995 их число уменьшилось до трех, зато эти страны прочно заняли все 20 мест в двух последних десятках.

Таблица 8. Младенческая смертность

1965				1995			
Let	18.9	Suè	13.3	RDA	5.4	Fin	3.9
Ukr	20.0	Pay	14.4	Slv	5.6	Nor	4.0
Est	20.3	Isl	15.0	Tch	7.7	Suè	4.1
Blr	23.1	Nor	16.8	Cro	9.0	Fra	4.9
Tch	23.7	Fin	17.6	Hon	10.7	Sui	5.0
Lit	24.7	Sui	17.8	Slv	11.0	Dan	5.3
RDA	24.8	Dan	18.7	Lit	12.5	RFA	5.3
Rus	26.6	RU	19.7	Blr	13.5	Aut	5.4
Slq	28.5	Fra	22.0	Pol	13.6	Pay	5.5
Sln	29.6	Blg	23.7	Arm	14.2	Esp	5.5
Bul	30.8	RFA	23.9	Ukr	14.8	Blg	6.1
Mol	32.8	Irl	25.2	Est	14.8	Isl	6.1
Géo	33.9	Aut	28.3	Bul	14.8	Ita	6.1
Arm	37.0	Grè	34.3	Bos	15.3	RU	6.2
Hon	38.8	Ita	36.0	You	16.8	Irl	6.4
Aze	38.9	Esp	37.8	Rus	18.2	Por	7.4
Pol	43.5	Por	64.9	Géo	18.3	Gre	8.1
Rou	44.1	Tur	177.8	Let	18.5	Tur	44.4
Cro	49.5			Rou	21.2		
You	73.3			Mol	21.5		
Bos	83.7			Mac	22.7		
Alb	86.8			Aze	23.3		
Mac	105.8			Alb	30.7		

Смертность в 90-е годы. Длившийся десятилетиями застой и даже ухудшение ситуации со смертностью стали одним из наиболее очевидных свидетельств глубокого кризиса социализма советского образца. Когда же система рухнула, "постсоциалистические" страны столкнулись с таким количеством трудностей, что во многих случаях неблагоприятные тенденции смертности на некоторое время даже усилились. Однако это временное ухудшение ситуации не следует переоценивать. Оно наблюдалось не везде, а

там, где имело место, длилось недолго. К тому же очень скоро дали о себе знать исторические и социокультурные различия внутри Восточной Европы. Среди стран региона сразу же выделились такие, в которых динамика смертности приобрела позитивный характер (Чехия, бывшая ГДР, в меньшей степени Польша и Венгрия), тогда как в других (Румыния, Болгария) ситуация продолжала деградировать.

Особый случай - изменения смертности и продолжительности жизни в европейских постсоветских государствах. В 1985-1987 гг., незадолго до распада СССР, все они пережили значительный, но кратковременный рост продолжительности жизни (на 1,4 - 2,2 года у мужчин и на 0,7-1,1 года у женщин), что было связано, главным образом, с проводившейся в это время жесткой антиалкогольной кампанией. Затем последовало резкое падение продолжительности жизни, во многом носившее, по-видимому, компенсаторный характер. С 1994 г. положение снова стало улучшаться, и постепенно показатели стали возвращаться к уровню, существовавшему до 1985 г., а в некоторых случаях уже превысили его (в Эстонии в 1995, в Латвии и Литве - в 1996 гг.). Только в Белоруссии и на Украине, насколько можно судить по нерегулярно публикуемым данным, не отмечено улучшения в последние годы, что, по-видимому, ведет к снижению их ранговых мест среди восточноевропейских стран. В то же время Россия, несмотря на то, что положение здесь постепенно улучшается, продолжает твердо занимать свою установившуюся десятилетия назад худшую позицию по продолжительности жизни мужчин, уступая Молдавии последнее место по продолжительности жизни женщин.

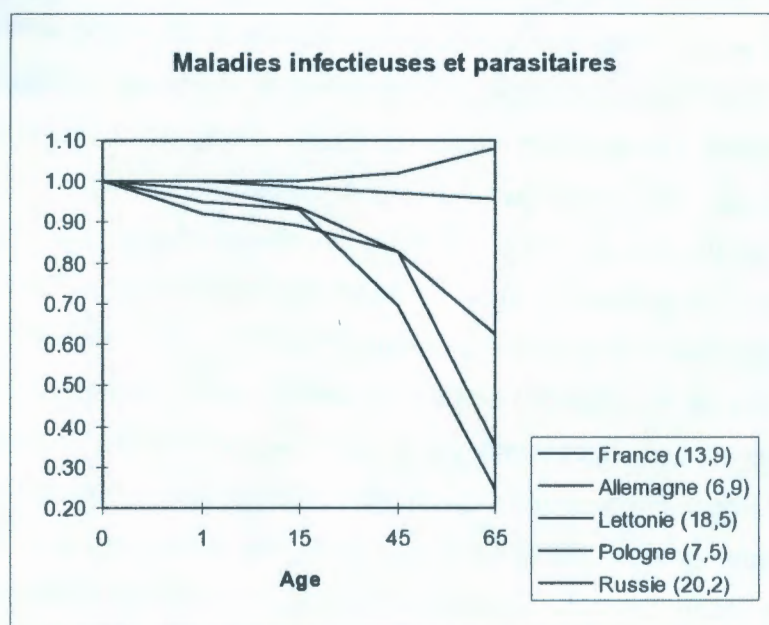
Причины смерти. Неблагоприятные тенденции смертности в Восточной Европе объясняются задержкой в модернизации структуры причин смерти. В большинстве восточноевропейских государств эта структура имеет ярко выраженные особенности и существенно отличается от западной своим архаизмом. Все сравнения востока и запада Европы указывают на то, что главной причиной существующего и нарастающего разрыва между ними стала неспособность восточных стран снизить либо оттеснить к более поздним возрастам смертность от болезней системы кровообращения, новообразований, болезней органов дыхания и несчастных случаев.

Восточноевропейская структура причин смерти имеет две главные особенности.

Во-первых, по сравнению с Западом, эта структура обычно смещена в сторону тех причин, от которых люди вообще умирают в более молодых возрастах. В западных странах средний возраст смерти от инфекционных заболеваний примерно на 10 лет, а от внешних причин - более, чем на 20 лет, ниже, чем средний возраст смерти от болезней системы кровообращения. А вероятность умереть именно от этих причин особенно высока в Восточной Европе. В середине 1990-х годов вероятность для новорожденного мальчика умереть на протяжении жизни от инфекционной болезни в России была в 2,9 раза выше, чем в Германии и в 3,6 раза выше, чем в Великобритании; в Латвии эти превышения составляли 2,7 и 3,3 раза; в Венгрии - 1,1 и 1,3; в Румынии - 2,3 и 2,9 раза. Еще более разительны различия вероятностей умереть от внешних причин: Россия превосходит по этому показателю Германию в 4,5, Великобританию - в 6,7 раза; для Латвии соответствующие

соотношения - 4,1 и 6,1; для Венгрии - 1,9 и 2,9; для Румынии - 1,7 и 2,5 раза¹⁴.

Во-вторых же, от каких бы причин ни умирали люди, на востоке Европы они умирают от них более молодыми, чем на западе. По распределению вероятностей умереть от различных причин французская структура ближе к восточноевропейской, нежели немецкая или английская. Вероятность умереть от от инфекционных болезней здесь даже выше, чем во многих восточноевропейских странах, а вероятность умереть от внешних причин примерно такая же, как в Польше или Румынии. Но по возрастному распределению смертей французская модель все-таки "западная", а не "восточная". Различия хорошо видны на рис.

¹⁴ Рассчитано по: World Health Statistics Annual 1996. World Health Organization, Geneve, 1998, table B-3.

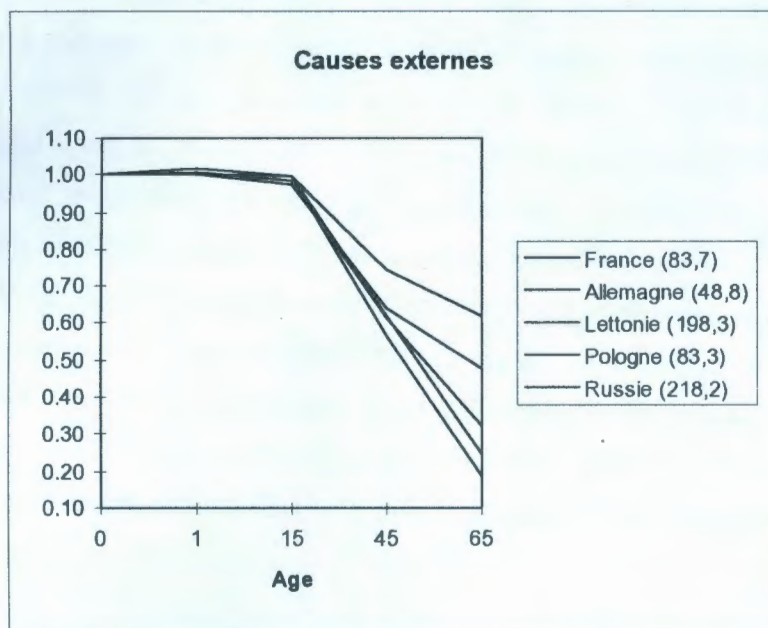

Рис. . Изменения с возрастом вероятностей умереть от инфекционных заболеваний и внешних причин в некоторых странах. В скобках указаны вероятности умереть от соответствующих причин в возрасте 0 лет.

Крутое падение кривых на графиках (рис.), характерное для таких стран, как Латвия, Польша или Россия, указывает на то, что большинство тех, кому суждено умереть от инфекционных болезней или внешних причин, умирают в детских или молодых возрастах, а их роль с возрастом быстро падает. Медленное же падение кривых, а иногда и их подъем, типичные для Германии или Франции, - свидетельство того, что ранняя смертность от указанных причин невелика, а значительное число смертей, иногда их подавляющее большинство концентрируются в пожилых и старческих возрастах.

Иного комментария требуют изменения с возрастом вероятностей умереть от главной для всех европейских стран причины смерти - болезней системы кровообращения (рис.). Вероятности умереть от этой причины на Западе с возрастом растут относительно медленно, оставляя много места для конкурирующих причин смерти, прежде всего для рака. На востоке же Европы рак играет намного меньшую роль, что повышает шансы умереть от сердечно-сосудистых заболеваний. Отсюда и более крутой подъем кривых на графике.

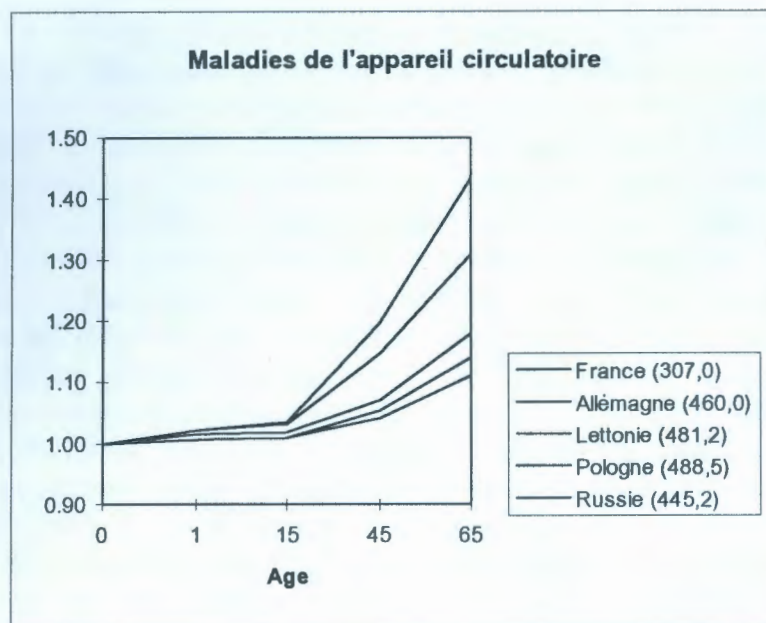

Рис. . Изменения с возрастом вероятностей умереть от болезней системы кровообращения в некоторых странах. В скобках указаны вероятности умереть от соответствующих причин в возрасте 0 лет.

Как видно из приводимой ниже таблицы, совокупная вероятность для мужчины, достигшего 45-летнего возраста, умереть от сердечно-сосудистого заболевания или рака в странах Восточной и Западной Европы различается незначительно. Но соотношение двух этих причин различается очень сильно.

Таблица 9. Вероятность для мужчины в возрасте 45 лет возраста, умереть от сердечно-сосудистого заболевания или рака в некоторых странах (на 1000)

Страна	Вероятность умереть		
	от злокачественных новообразований и болезней системы кровообращения	в том числе:	
		от злокачественных новообразовани	от болезней системы кровообращения
Франция, 1994	639,8	316,4	323,4
Германия, 1995	742,1	263,0	479,1
Польша, 1995	750,2	226,4	523,8
Латвия, 1995	720,4	168,5	551,9
Россия, 1995	698,9	166,2	532,7

Source: World Health Statistics Annual 1996. World Health Organization, Geneva, 1998, table B-3.

На западе Европы смертность от сердечно-сосудистых болезней отодвинута к более поздним возрастам; это продлило жизнь большому числу людей. Но часть из них, избежав смерти от инфаркта или инсульта, становится жертвой рака - типичной болезни пожилых. На востоке же более ранняя смертность от болезней системы кровообращения ограничивает кокуренцию рака, многие просто не доживают до него.

Причины отставания. Более архаичная структура причин смерти и, соответственно, меньшая продолжительность жизни на востоке Европы, по сравнению с ее западом, - следствие того, что в "западных" странах (включающих не только государства Западной Европы, но и заокеанские страны, заселенные выходцами из Европы, и даже Японию) была выработана и реализована новая стратегия борьбы за удлинение жизни. Еще в 50-е годы здесь стали осознавать, что прежняя стратегия, направленная на подавление причин смерти преимущественно инфекционной этиологии, исчерпывает себя, и необходимо переориентировать всю систему охраны здоровья на подавление неинфекционной патологии, выработать "новый тип профилактики, основанный на изменении поведения людей и их образа жизни"¹⁵. Там, где это было сделано, уже 70-е годы принесли ощутимый результат: оттеснение ко все более поздним возрастам большого числа смертей от сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний, снижение смертности от несчастных случаев и т.д. Американский социальный гигиенист Милтон Террис назвал этот этап борьбы со смертью "второй эпидемиологической революцией"¹⁶.

В странах Восточной Европы необходимость перехода к новой стратегии борьбы со смертью не была своевременно осознана, и такая стратегия не была реализована. В итоге "в то время, как западные страны ввели в действие оружие, пригодное для борьбы с патологиями, которые становились преобладающими, и благодаря этому добились новых успехов, восточноевропейские страны продемонстрировали свою неспособность войти в эту новую фазу санитарного перехода"¹⁷. Более того, как отмечал польский демограф М. Окольский, они не только "не смогли ответить на вызов, проистекавший из нового типа заболеваемости и смертности, но неожиданно столкнулись с препятствиями в борьбе с теми болезнями, которые уже были сведены к низкому уровню, равно как и в поддержании уже достигнутых стандартов охраны здоровья"¹⁸.

Среди факторов, объясняющих неспособность восточно-европейских стран своевременно осуществить "вторую эпидемиологическую революцию", называли ухудшение экологической обстановки, неэффективность системы здравоохранения, недостаток и низкое качество продуктов питания, распространение алкоголизма и курения, плохие условия труда, нервные стрессы, вызываемые трудностями повседневной жизни¹⁹. Не последнюю роль играл патерналистский монополизм бесплатной медицины, который ограничивал активность человека в борьбе за сохранение собственных

¹⁵ Roemer M.I. Politiques sociales et systèmes de santé: leurs effets sur la mortalité et la morbidité dans les pays développés. - In: La lutte contre la mort. Influence des politiques sociales et des politiques de santé sur l'évolution de la mortalité. Ed. par J. Vallin et A. Lopez. Paris, 1985, p.533.

¹⁶ Terris M. The changing relationship of epidemiology and society. The Robert Cruikshank lecture. - Journal of Public Health Policy. March 1985. V. 6, No 1, p. 27-33.

¹⁷ Mesle F. La mortalité dans les pays d'Europe de l'Est.- Population, 1991, n 3, p. 646.

¹⁸ Okolsky M. Relationship between mortality and morbidity levels according to age and sex and their implications for organizing health care system in developed countries.- In: Consequences of mortality trends and differentials. UN NY, 1986, p. 150-164. (Population Studies, No. 95, ST/ESA/Ser. A/95).

¹⁹ Okolski M. Le cas de la Pologne.- In: La lutte contre la mort. Influence des politiques sociales et des politiques de santé sur l'évolution de la mortalité. Ed. par J. Vallin et A. Lopez. Paris, 1985, p.435-442.

здоровья и жизни, лишал его свободы выбора врача, больницы, метода лечения, обрекал на пассивность, несовместимую с задачами и требованиями "второй эпидемиологической революции". Одним из свидетельств разных возможностей борьбы за сохранение жизни в Западной и Восточной Европе и разного места, которое отводилось этой борьбе в западноевропейской и восточноевропейской системах целей, служат огромные различия в динамике расходов на охрану здоровья (рис.).

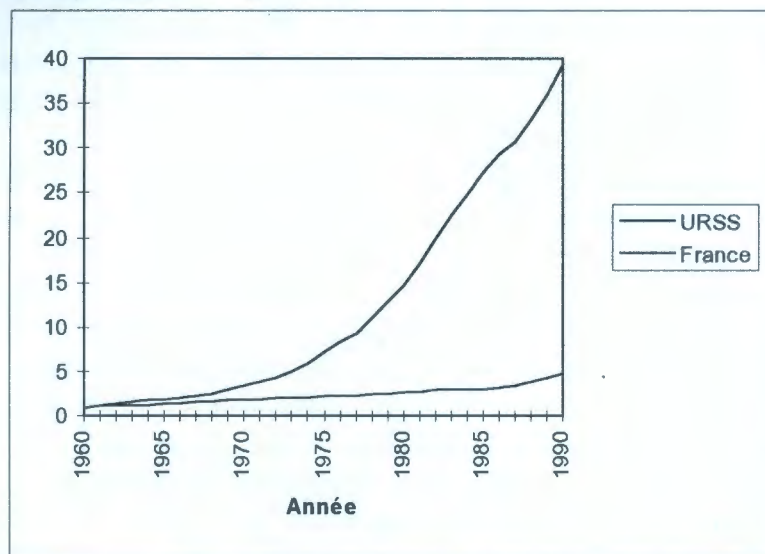

Рис. . Рост душевых расходов на охрану здоровья в СССР и Франции в 1960-1990 гг. (1960 = 1)

Причины нарастающего отставания европейского востока от европейского запада имели, по-видимому, двойную обусловленность. С одной стороны, они были порождены особенностями существовавших в Восточной Европе политических режимов. Это хорошо видно при сравнении двух частей Германии: в начале 1950-х годов бывшая ГДР отставала от ФРГ по ожидаемой продолжительности жизни мужчин на 0,7 года, женщин - на 0,5; к концу 1980-х отставание увеличилось до 2,3 и 2,9 лет соответственно²⁰.

de double nature

С другой стороны, между самими восточноевропейскими странами существовали значительные различия в смертности, которые указывали на более глубокие культурно-исторические корни отставания от Запада. Политический режим в ГДР был отнюдь не самым гуманным или либеральным в Восточной Европе, однако она всегда выделялась там относительно низкой смертностью, и в этом отношении ее разрыв со многими странами восточноевропейского блока был значительно больше, чем ее отставание от ФРГ. Этот разрыв нельзя было объяснить только политическими реальностями послевоенных десятилетий, как нельзя было и ожидать, что с изменением этих реальностей Восточная Европа по уровню смертности быстро приблизится к Западной.

²⁰ Höhn Ch., Mammey U., Wendt H. Bericht 1990 zur demographischen Lage: Trends in beiden Teilen Deutschlands und Ausländer in der Bundesrepublik Deutschland.- Teilen Deutschlands in den Jahren 1976 bis 1986. - Zeitschrift für Bevölkerungswissenschaft, 1990, Jg. 16, 2, S. 157.

Потери от высокой смертности.

Задержка с модернизацией смертности обернулась для Восточной Европы очень большими демографическими потерями. Эти потери можно оценить, сравнивая фактическое число смертей в странах Восточной Европы с гипотетическим, каким оно могло бы быть, если бы возрастные интенсивности смертности в них были такими же, какими они в действительности были в соответствующие годы в типичных западных странах. Разницу между гипотетическим и фактическим числом смертей можно интерпретировать как "избыточную" смертность.

Посмотрим, что может дать такой расчет, на примере сопоставления России и Франции. Представим себе, что возрастные интенсивности смертности в России на протяжении 30 лет, в каждом году с 1967 по 1996, были бы такими, как во Франции, а население - и по численности, и по возрастной структуре - таким, каким оно было в России. Тогда число только мужских смертей в России за эти 30 лет было бы на 10 с лишним миллионов меньше, чем оно оказалось в действительности. Это - чистые потери, сопоставимые по величине с прямыми военными потерями во Второй мировой войне всего СССР (9-10 млн. человек), тогда как наш расчет относится не ко всему СССР, а только к России (и только к мужской части ее населения). Более подробно структура этих потерь представлена в табл. . Видно, что потери все время нарастали: в первое десятилетие первоначальная цифра удвоилась, во второе - утроилась. В 1967-1976 гг. такие избыточные смерти составляли 30% от всех смертей, в 1977-1986 - 43%, в 1987-1996 - 55% - больше половины! (в среднем за 30 лет - 45%).

Таблица 10. Избыточное число мужских смертей в России (разница между фактическим числом смертей и числом смертей при том же населении и французских возрастных уровнях смертности) *parc de mortalité*

Годы	Всего, тыс. чел.	В том числе в возрасте				Всего, %	В том числе в возрасте			
		0-19	20-49	50-75	75+		0-19	20-49	50-75	75+
1967-1996	10113	709	3454	4896	1054	100,0	7,0	34,2	48,4	10,4
в т. ч.:										
1967-1976	1726	170	833	630	92	100,0	9,9	48,3	36,5	5,3
1977-1986	3233	276	1153	1478	327	100,0	8,5	35,7	45,7	10,1
1987-1996	5154	263	1468	2788	635	100,0	5,1	28,5	54,1	12,3

Смертность в России высока даже на фоне других восточноевропейских стран, результаты такого же расчета для большинства из них не были бы столь впечатляющими. Но и они показали бы, что человеческие потери от экономии на охране здоровья были очень велики и едва ли оправданы даже с чисто экономической точки зрения.

В частности, они означали огромные потери трудового потенциала, так как в очень большой степени были вызваны смертностью людей в рабочих возрастах. Подсчитано, что если бы возрастные уровни российской смертности соответствовали западным, смертность мужчин во всех возрастах до 65 лет привела бы в России в 1995 г. к потере 3,2 млн. человеко-лет трудовой

активности. Фактические же потери составили 12,9 млн. человеко-лет, то есть в 4 раза, или на 9,7 млн. больше. Готовность примириться с такими потерями позволяла восточноевропейским режимам экономить на охране здоровья и решать какие-то другие задачи, в частности поддерживать военный паритет социалистического блока с западными странами, вести с ними "холодную войну", и это считалось очень важным положительным результатом. Однако огромные демографические потери от высокой смертности говорят о том, что эта война была "холодной" только для Запада, для Восточной Европы, особенно для бывшего СССР она была достаточно "горячей". И хотя сейчас "холодная война" завершена, созданная ею инерция сохраняется, а процесс модернизации смертности в большинстве стран Восточной Европы пока остается заблокированным.

Воспроизводство и рост населения

Воспроизводство населения. Низкая рождаемость в Европе давно уже поставила под вопрос способность европейских населений воспроизводить себя. Нетто-коэффициент воспроизводства в одной стране за другой опускался ниже единицы - границы простого возобновления населения.

Уже в 60-е годы в Европе образовалась "демографическая воронка" - группа стран, в которых установился режим суженного воспроизводства населения. Тогда это были почти исключительно республики СССР или страны "социалистического лагеря". Впоследствии зона суженного воспроизводства все время расширялась, за счет как восточных, так и западных стран.

В 1970 г. она охватывала 10 из 38 европейских стран в их нынешних границах²¹ (в том числе в 6 восточноевропейских), по которым имеются данные. Тогда список стран, в которых не обеспечивалось простое воспроизводство населения, возглавляла Хорватия (в ту пору - часть Югославии), вообще же такие страны из обеих частей Европы располагались в этом списке вперемешку. В 1980 г. число их выросло до 24 (из 42, предоставивших информацию), из них 12 находились на востоке и 12 на западе континента. Но первые десять мест занимали теперь западноевропейские государства, а весь список надолго возглавила ФРГ. Еще через 10 лет, в 1990 г., не воспроизводилось население уже в 33 странах (из 43), из них 18 принадлежали к числу восточноевропейских. К середине 90-х годов процесс перехода всей Европы к суженному воспроизводству населения практически завершился, нетто-коэффициент воспроизводства превышал единицу только в Турции и на Кипре. В первой десятке находились 7 восточноевропейских стран, а возглавляла ее бывшая ГДР. Но в целом динамика нетто-коэффициента воспроизводства на протяжении нескольких последних десятилетий свидетельствует о конвергентном демографическом развитии двух частей Европы. Соотношение относящихся к ним стран по этому показателю менялось, но их поляризация в 1995 г. была меньшей, чем, скажем, в 1980.

²¹ Только бывшая ГДР рассматривается здесь как отдельное государство.

Таблица 11. Нетто-коэффициент воспроизводства населения (R_0) европейских стран в 1980 и 1985 гг.

1980				1995			
Pays	R_0	Pays	R_0	Pays	R_0	Pays	R_0
Bos	0.86	RFA	0.68	Let	0.58	Esp	0.56
Rus	0.88	Dan	0.74	Bul	0.59	All	0.6
Cro	0.89	Sui	0.74	Tch	0.61	RFA	0.64
Let	0.9	Pay	0.77	Est	0.63	Grè	0.64
Ukr	0.91	Aut	0.78	Rus	0.63	Ita	0.64
Hon	0.91	Fin	0.78	Rou	0.63	Aut	0.67
RDA	0.93	Ita	0.78	Sln	0.64	Por	0.67
Est	0.95	Blg	0.81	Blr	0.65	Sui	0.7
Blr	0.95	Suè	0.81	Lit	0.71	Pay	0.74
Lit	0.96	Nor	0.82	Ukr	0.71	Blg	0.75
Bul	0.96	RU	0.91	Slq	0.73	Fra	0.82
Tch	0.98	Fra	0.93	Cro	0.75	RU	0.82
Sln	1.0	Por	1.03	Hon	0.75	Suè	0.84
You	1.04	Grè	1.08	Pol	0.77	Dan	0.87
Mac	1.06	Esp	1.08	Arm	0.78	Fin	0.88
Pol	1.07	Isl	1.19	Mol	0.83	Irl	0.89
Arm	1.08	Irl	1.52	You	0.89	Nor	0.89
Rou	1.09	Tur	2.26			Isl	0.99
Mol	1.1					Tur	1.2
Slq	1.1						
Aze	1.49						
Alb	1.6						
Géo	2.05						

Естественный прирост. Несмотря на то, что нетто-коэффициент воспроизводства почти во всех европейских государствах опустился ниже единицы, европейские населения обладали так называемым "потенциалом демографического роста", накопленным в возрастной структуре, в силу чего у большинства их них сохранялся положительный естественный прирост. Однако, по мере того, как потенциал демографического роста исчерпывался, появление отрицательного естественного прироста становилось все более неизбежным. До 1990 г. он появлялся спорадически в некоторых европейских странах, но в 90-е годы естественная убыль населения в Европе стала приобретать все более массовый характер. В 1985 г. отрицательный прирост был зафиксирован в 5 из 42 европейских стран, в том числе в одной

восточноевропейской (Венгрии). Через 10 лет, в 1995 г. число стран с естественной убылью населения достигло 15, и на этот раз большинство из них (12 государств) находились на востоке Европы. Впрочем, говорить на этом основании о каком-то особом положении Восточной Европы нельзя. Разница есть, но она не принципиальна. Сейчас многие европейские страны очень близко подошли к границе, отделяющей положительный естественный прирост от отрицательного, и нет сомнения, что к концу столетия число стран с естественной убылью населения в Европе значительно увеличится за счет как восточно- так и западноевропейских государств, так что сомнительное "первенство" Восточной Европы по этому показателю, возможно, перестанет существовать.

Рост населения. Но пока различие существует, и оно усиливается тем, что для большинства восточноевропейских стран характерна не только естественная, но и общая убыль населения. В середине 90-х годов в 14 из 23 восточноевропейских стран наблюдалось абсолютное сокращение населения, но его не было в странах Западной Европы, даже в тех, в которых коэффициент естественного прироста населения был отрицательным.

Это объясняется тем, что в западноевропейских странах важная компенсирующая роль принадлежит иммиграции, которая суммируется с положительным и восполняет демографические потери от отрицательного естественного прироста. Миграционный прирост стал характерной чертой для многих из этих стран в послевоенные десятилетия, а в 90-е годы в Западной Европе миграционная убыль почти не встречалась.

Страны же Восточной Европы были закрыты для миграции, и положительное миграционное сальдо в 60-е -80-е годы можно найти только в тех из них, которые были в то время частями более крупных государственных образований и получали население в результате его внутригосударственного перераспределения. В 90-е годы в этих странах появились или усилились возвратные потоки мигрантов (например, из бывших республик СССР - в Россию), к ним присоединились потоки запретной прежде эмиграции на Запад, и миграционное сальдо во многих восточноевропейских странах стало отрицательным. В 1980 г. из 10 европейских республик бывшего СССР только две - Армения и Азербайджан - теряли население в миграциях, в 1995 г., напротив, только две бывшие республики - Россия и Белоруссия - имели положительное миграционное сальдо, но и его было недостаточно, чтобы нейтрализовать депопуляционный эффект отрицательного естественного прироста.

Как ни велики различия в росте населения обеих частей Европы в 90-е годы, они едва ли имеют принципиальный характер. И той, и другой не приходится рассчитывать на собственные ресурсы, на естественный прирост населения. В начале будущего столетия только миграция извне сможет поддержать слабеющие демографические силы большинства европейских стран, где бы они ни находились. Это способно породить немалые проблемы в социально-экономической, политической или культурной областях, и в этом смысле западные и восточные европейцы, при всех их различиях, сидят в одной лодке.